

А. А. Оганов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ КУЛЬТУРАМ

В наше время, когда человечество подошло к критическому масштабу глобальных проблем, остро дискутируется вопрос о судьбах национальных культур. Драматизм сложившейся ситуации обусловлен главным образом беспрецедентной в истории кратковременностью периода перемен, скачкообразным сжатием социального времени, что вносит некоторый хаос в привычную нам шкалу ценностей. Этот хаос в первую очередь возник не из-за ощутимых потерь привычных нам культурных ценностей, а вследствие ускоренности этих потерь. Поучительно обращение к большим историческим дистанциям: много ли в национальных культурах современного Египта или Греции сохранилось от культур их этнических предков со времен Древнего Востока и Античности? Стоит «опрокинуть» современность на отдаленную историческую перспективу — и опасения по поводу негативных последствий

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория и история эстетики», «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Современная проблематика философии культуры», «Гносеологический анализ закономерностей художественного творчества», «Искусство как форма самопознания» и др.

всеобщей глобализации для национальных культур становятся гораздо менее острыми.

Формирование единого информационного пространства по-разному скажется на самобытных культурах и слабо развитых, не пассионарных культурных образованиях. Первые, как правило, не замкнуты на себе, они открыты миру и имеют весьма благоприятную перспективу развития. Такие культуры отличаются укоренившейся системой ценностей и мощным устойчивым иммунитетом. Их вхождение в информационно-коммуникативную сеть расширяет возможности контакта, диалога с другими культурами. В результате избирательного обмена ценностями самобытные культуры обогащаются, усиливается потенциал их дальнейшего развития. Несмотря на беспрецедентный цивилизационный скачок, они обладают высокой степенью адаптации к новому, сохраняют способность поступательного эволюционного роста. Благодаря своим глубоким историческим корням они отвечают активным противодействием на внешнее чужеродное воздействие.

Такая же картина наблюдается в жизни традиций внутри национальных культур. Современность подвергает испытанию потенциал их преемственного развития. В традиционных обществах сохранилось немало

обрядов, суеверий, дошедших до нас со времен язычества. Они естественно и органично воспроизводились веками, влияли на нравственность и поведение людей, задавали систему ценностей. Следование национальным и религиозным традициям было основой групповой и индивидуальной самоидентификации. Современный человек пребывает в совершенно иной социальной среде. Подгоняемый техническими новациями и быстрой сменой условий бытия, рациональный и прагматичный, он не приемлет, а то и не замечает, что многие традиции в новое время исчерпали себя.

Изначально традиции возникали как ценности с практически значимой функцией. Они определяли и регламентировали образ жизни людей, ежедневно им сопутствовали. Со временем практическая потребность в них убывала, замещалась знаково-символическим отношением. Их семантика может устаревать или не считываться, когда резко «рвется связь времен». Новые формы жизни обновляют и продуцируют традиции. Процесс этот органичен и имманентно детерминирован. В культуре невозможны как реанимация отжившего, так и проектирование нового.

Показательно, что во времена кризисных перепадов и укрепления национальных и политических суверенитетов людей поглощает идея возрождения традиций, приобщения к ним. Оживает широкий спектр обрядов — от дурманящих своей магией (гадание, колдовство и т. п.) до религиозно-возвышенных (крещение, венчание, отпевание, массовое участие в религиозных праздниках, паломничество по святым местам и др.). Зачастую в них много мистики, театрализации, псевдозначимой символики. В этом контексте примечательна затнувшаяся дискуссия вокруг вопроса о введении православной культуры в программу школьного обучения.

Даже имея самые благородные намерения, традиции возродить невозможно, если они исторически изжили себя. Это достаточно замкнутое историко-культурное образование, которое в зависимости от временных перемен может либо отторгнуться культурой, либо, трансформируясь, продолжать жить в новой культурной среде. Часто всуе говорят о преемственности национальных традиций без должного осознания особой роли естественной динамики в природе этого процесса.

В результате растущего взаимовлияния культур в России привились некоторые западные традиции: празднование Дня Святого Валентина, католического Рождества, Хэллоуина. В культуру США вошли традиции русских театральных школ (К. Станиславский, М. Чехов). Известные западные кутюрье используют мотивы национальных русских костюмов. В Китае укрепляется традиция фестивалей и конкурсов русской и советской песни.

Интернет все настойчивее вводит нас в виртуальный мир безграничного коммуникативного пространства. Первоначально технологическое, сегодня оно постепенно обретает свойства культурного пространства. Общение в нем создает новые традиции и трансформирует уже известные: многовековой брачный обряд обрел форму виртуальной свадьбы, давняя традиция ведения дневников продолжилась в блогах.

В контексте глобальных перемен чрезвычайно важно разобраться в социокультурном значении и корреляции понятий национального, общечеловеческого и космополитического. У нас, надо признать, весьма слабая научно-гуманитарная традиция осмысления этих понятий. Отсюда нестрогость, размытость соответствующих представлений в философии, эстетике, теории культуры.

Основная причина этого — известная одномерность и догматизм, когда-то имевшие место в официальных идеологических и мировоззренческих установках. Скажем, «космополитизм» однозначно толковался как реакционное проявление буржуазной идеологии, ущемление национального суверенитета и достоинства, чувства патриотизма.

Национальное в культуре и искусстве — это, конечно, не столько зарисовка бытовых обрядов и обычаев, традиций (как иронизировал в свое время В. Г. Белинский: «описание народного сарафана»), сколько самобытный характер, язык, психология народа, его культурно-исторические особенности, мировосприятие и мироощущение.

Общечеловеческое проявляется через национальные культуры. Ценности каждой из них в зависимости от степени общезначимости становятся общечеловеческими.

В современном мире все более явно дают о себе знать интегрированные культурные образования, возникающие вследствие диффузных межнациональных процессов, миграции народов, слияния культур. Естественно, что интеграция затрагивает сначала наиболее однородные в социальном, культурном, географическом отношении регионы и континенты. Зачатки этих процессов уже в настоящее время позволяют говорить о культуре европейской, азиатской, африканской, латиноамериканской. Однако одновременно с этим в ответ на угрозу унификации усиливаются процессы дифференциации. Такова закономерность нашего времени.

Сегодня нельзя не заметить, что наряду с глубоко национальными произведениями искусства существуют и такие, национальное своеобразие которых обнаруживается довольно проблематично. Это, например, музыка авангардистов А. Шенберга и А. Вебера (австрийцы), П. Булеза (француз), Л. Нono (итальянец), К. Штокхаузена (немец), Дж. Кейджа (американец), К. Пендерецкого (поляк), Я. Ксенакиса (грек), А. Шнитке (русский). На том же основании можно перечислить большой ряд имен живописцев и скульпторов авангардной ориентации. Здесь правомерно говорить об особой, вненациональной в своей основе, художественно-эстетической парадигме. Общечеловеческое проявляется в определенном смысле через космополитическое. Проникновение национального в такое искусство носит настолько относительный характер, что существа дела не меняет. В подобных случаях причастность художника к мировой культуре мало опосредуется культурой национальной.

Многие творцы в силу ряда объективных и субъективных причин причисляют себя к гражданам мира. Таковыми себя ощущали В. Набоков и И. Бродский, сегодня это Э. Неизвестный, М. Шемякин. Не случай-

но Набоков говорил: «Я американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу, прежде чем провести пятнадцать лет в Германии»¹. Писатель подолгу жил в странах Европы, затем уехал в США, где провел большую часть жизни. Это не могло не отразиться на его психологии и менталитете.

Набоков не подчеркивает свою национальную принадлежность, она оттеснена на периферию его сознания. Это подтверждают высказывания писателя: «Я всегда, еще с гимназических лет в России, придерживался того взгляда, что национальная принадлежность стоящего писателя — дело второстепенное. Искусство писателя — вот его подлинный паспорт. Вообще же я себя сейчас считаю американским писателем, который когда-то был русским»².

По графическим иллюстрациям Э. Неизвестного к Библии или «Божественной комедии» Данте трудно идентифицировать национальную принадлежность автора, как и по работам М. Шемякина. Их же скульптурные произведения в США, Италии, России больше указывают на индивидуально-стилистические особенности, чем на национальную принадлежность. То же можно сказать о творчестве известных композиторов А. Шнитке, Э. Денисова, С. Губайдулиной.

Уместно вспомнить, что в переводе с древнегреческого *kosmopolites* — гражданин мира. Идеи мирового гражданства в эпохи Возрождения и Просвещения были близки идеалам свободы и гуманизма. Эти идеи развивали Данте, Петрарка, Рабле, Лессинг, Гёте, Шиллер. Все это приводит к мысли, что органичность и полнота проявления национального и общечеловеческого в творчестве художника и культуре в целом зависит от меры осознания себя в качестве гражданина своего отечества или мира, а иногда того и другого вместе.

В этом контексте, надо полагать, становится понятной попытка выйти за рамки исключительно не-

гативного понимания смысла термина «космополитическое» в культуре и искусстве. В ходе развития цивилизации вненациональные элементы культуры имеют тенденцию к росту, что было бы ошибочно связывать с идеологией отрицания национального суверенитета. Дискуссионным или по меньшей мере поспешным представляется вывод немецкого социолога У. Бека, назвавшего наступающую эпоху «космополитическим поворотом», «эпохой космополитизации»³.

Все больше стран охватываются глобальными процессами, свидетельство тому — интернационализация экономик, нарастание плотности коммуникаций, «Всемирная паутина», тотальное оцифровывание информации, интенсификация миграционных процессов, мультикультурализм. В научный оборот вошло понятие альтерглобализма, означающее альтернативные пути и формы глобализации. К ним можно отнести такие локальные универсалии, как европейская, латиноамериканская, восточноазиатская культуры.

Таким образом, национальные культуры сталкиваются с серьезными, качественно новыми вызовами. Пришло время формирования новой стратегии национального развития, новых современных практик конструирования идентичности. Очевидно, что крайности мессианской идеи нации, ее особой избранности исторически исчерпали себя. Наступил период жесткой борьбы за идентичность, которая все больше обуславливается не только традиционными национальными факторами. Трудно прогнозировать долговечность нациоцентричной картины мира. Вероятно, смена ее альтернативной парадигмой произойдет в отдаленном будущем. Культура в своем развитии сама себя канализирует, проектирует вектор своего нелинейного движения, но так или иначе она не утратит заданного ее природой многообразия и мозаичности.

¹ Набоков В. В. Интервью в журнале «Playboy» // В. В. Набоков. Собр. соч. : в 5 т. СПб., 1997. Т. 3. С. 568.

² Набоков В. В. Интервью Альберту Аппелю, 1966 год. // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 163.

³ Бек У. Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 22. С. 59.